

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 16, Is. 2, pp. 295–311, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-295-311

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC – 397+94.57+811.512.1
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-295-311

Борогон: этноним и этническая история

Памяти Василия Васильевича Ушницкого
(08.03.1964–20.06.2021)

Баир Зориктоевич Нанзатов¹, Владимир Владимирович Тишин²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Нанзатов Б. З., Тишин В. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Работа посвящена исследованию происхождения и распространения названия *Борозон* (в адаптации — *Борогон*), отраженного в именовании административно-территориальных единиц различного таксономического уровня на территории Якутии в XVII–XX вв. в составе улусов, наслегов, родов. *Цель* исследования — проанализировать этимологию именованного *Борозон*, рассмотреть ареал и пути его распространения. *Материалы и методы.* К анализу привлечены сведения русскоязычных документов XVII–XVIII в., суммированные в работах Б. О. Долгих, С. А. Токарева и других исследователей, предоставляющие, однако, только отрывочные сведения о носителях борогонской идентичности. Для обоснования предлагаемой этимологии использованы лингвистические материалы, представленные в лексических и этимологических словарях, рассмотренные с учетом данных о развитии исторической фонетики монгольских и тюркских языков. *Результаты.* В работе прослежено распространение в исторически обозримый период на территории Якутии ареала расселения носителей борогонской идентичности и, следовательно, названия *Борозон* в качестве обозначения различных уровней идентичности, отраженной в использовании этого названия в именовании административно-территориальных единиц различного таксономического уровня (улусов, наслегов, родов). Выдвинута и обоснована гипотеза об интерпретации слова в исходном значении в связи с письм.-монг. *boruqa(n)* ‘дождь’, конкретнее — от формы **boruqan*, **boruqan*. Обсуждаются варианты происхождения этнического названия в типологическом ракурсе, учитывая отсутствие прямых параллелей в среде монгольских и тюркских народов. *Выводы.* Конкретно-исторический при-

мер, представленный сообществом, носящим имя *Борогон*, демонстрирует тесные контакты тюркоязычного и монгольязычного населения на территории Сибири, а конкретно — в пределах Ленско-Алданского региона. Предполагается, что название *Борогон* в среде якутского населения восходит к слову из монгольязычной среды, вероятно, в исходной форме **boroγan*, **borayān* с буквальным значением ‘дождь’, что не встречает препятствий с точки зрения законов фонетики. При этом конкретно нельзя сказать, было ли это по каким-либо причинам принятым названием исторического коллектива с осознанием такого значения, либо название восходит к личному имени какого-либо значимого деятеля, отраженному в фольклорном материале как эпоним. По формальным фонетическим признакам форма, отраженная в якутском произношении, демонстрирует характеристики языков среднемонгольского периода, по косвенным историческим данным — верхняя хронологическая веха возникновения названия относится ко времени до начала XVII в. Рассмотренный в данном исследовании пример в очередной раз демонстрирует факт участия монгольязычного населения в этногенезе саха (якутов).

Ключевые слова: якуты, монгольязычное население, этноним, этногенез, этимология, этническое картирование, расселение, тюркские языки, монгольские языки
Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Трансформация этнической карты монгольского и тюркского населения: Южная и Восточная Сибирь XVII–XIX вв. в составе Российского государства» (№ 24-28-00385, <https://rscf.ru/project/24-28-00385/>).

Для цитирования: Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Борогон: этноним и этническая история // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 295–311. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-295-311

Borogon: Ethnonym and Ethnic History

Bair Z. Nanzatov¹, Vladimir V. Tishin²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Nanzatov B. Z., Tishin V. V., 2024

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the origin and spread of the ethnonym *Boroγon* (in Russian spelling — *Borogon*), reflected in the names of administrative territorial units of various taxonomic levels in the territory of Yakutia during the 17th–20th centuries (*ulus*, *nasleg*, *rod*). **Goals.** The study aims at examining the etymology of the term *Boroγon*, the territorial area where it was spread and the ways of its spread. **Materials and methods.** The data included in the paper based on the information from Russian-language documents of the 17th–18th centuries, summarized in the works of B.O. Dolgikh, S.A. Tokarev etc. Those sources, however, provide only fragmentary information about the bearers of Borogon identity. It is also proposed the etymology, supported by linguistic data presented in different lexical and etymological dictionaries and recent results of researches on the development of historical phonetics of the Mongolic and Turkic languages. **Results.** The phases of allocation of bearers of Borogon identity on the territory of Yakutia in the historical foreseeable period were

traced in the paper and, consequently, the spread of area of existence of the name *Borogon* in different levels of identity that reflected in its use in the naming of administrative territorial units of various taxonomic levels (*ulus, nasleg, rod*). A hypothesis about the interpretation of the name in its original meaning in connection with the Written Mongolian word *boruᠢᠶ᠋ᠠ(n)* ‘rain’, or, mostly, from the form **boroyan, *borayan* id has been argued. Conditions for the appearance of the ethnic name are discussed from a typological perspective, taking into account the lack of direct parallels among the tribal nomenclature of Mongolic and Turkic peoples. *Conclusions.* A specific historical example presented by a community bearing the name *Borogon* demonstrates close contacts between the Turkic and Mongolic populations in the territory of Siberia, and specifically within the Lena-Aldan region. It is assumed that the name *Borogon* among the Yakut population goes back to a word from the Mongolic environment, probably in the original form **boroyan, *borayan* with the literal meaning ‘rain’. Such version does not encounter obstacles from the point of view of the phonetical laws. At the same time, it is impossible to claim whether for some reason this was the accepted name of a historical group with an awareness of such meaning of the word, or whether the name goes back to the personal name of some authority person reflected in folklore as an eponym. According to formal phonetic characteristics, the form reflected in the Yakut pronunciation demonstrates the characteristics of the languages of the Middle Mongolic period. An indirect historical data indicates the time before the beginning of the 17th century as an upper chronological milestone of the appearance of the name. The example considered in the article once again demonstrates the fact of the participation of the Mongol-speaking population in the ethnogenesis of the Sakha (Yakuts).

Keywords: Yakuts, Mongolian-speaking population, Ethnonym, Ethnogenesis, Etymology, Ethnic Mapping, Allocation, Turkic languages, Mongolic languages

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian National Fund, project no. 24-28-00385 “Transformation of the Ethnic Map of the Mongolian and Turkic Populations: Southern and Eastern Siberia of the 17th–19th Centuries as Part of the Russian State”. Available at: <https://rscf.ru/project/24-28-00385/>.

For citation: Nanzatov B. Z., Tishin V. V. Borogon: Ethnonym and Ethnic History. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16(2): 295–311. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-295-311

1. Введение

Название *Борогон* [boroᠭon], в адаптированной русскоязычной передаче *Борогон*, известное в наименованиях административно-территориальных единиц различного таксономического уровня, документально фигурирующих на территории Якутии на протяжении XVII–XX вв. (Борогонский улус, Борогонская волость, Борогонский наслег, Борогонский род), объединяет одну из наиболее многочисленных групп якутского населения и является одним из старейших в истории якутов.

В фольклорной традиции предводители борогонцев выступают как крупные соперники кангаласского тойона Тыгына. Неоднозначной репутации в народной памяти удостоилась персона *Лөгөй* или *Лөбөй* тойона, которому соответствует исторический Логуй Амыкаев или Амуканов в русскоязычных источниках [Токарев 1945: 166–167, 280, 287, 289, 388 (табл. 5-г); Борисов 1997: 26 сл., 87, 114], один из борогонских тойонов, чье имя носили в XIX в. два наслега (I и II Легойские; як. *Лөбөй нэһилигэ*) Борогонского улуса и род (як. *Лөгөй ууһа*) в Борогонском наслеге Колымского улуса [Пекарский 1959б: 149б; Долгих 1960: 375].

Название *Борогон* не объясняется на основе якутского языка и, как и многие подобные случаи, может послужить предметом для исторических и филологических изысканий.

В свое время якутский исследователь В. В. Ушницкий, занимавшийся изу-

чением исторического прошлого якутов и стремившийся обнаружить широкие этнические связи их предков среди других тюркских, а также монгольских народов, предложил сопоставить *Бороџон* с этнонимом *баргу*, известным в монголоязычной среде и тесно связанным с историей Прибайкалья [Ушницкий 2011]. Он не прибегал к лингвистическим аргументам, ограничившись лишь реконструкцией, основанной на фольклорных сведениях. Как будет показано ниже, лингвистических оснований для такого сопоставления нет, однако, сама логика наблюдений В. В. Ушницкого заслуживает внимания.

2. Расселение носителей этнонима *Бороџон*

Судя по сведениям русскоязычных источников XVII в., Борогонский улус или, согласно документам, «Борогонская волость» [Башарин 2003: 193 (табл. 22)], уже на момент знакомства с ней российских служилых людей была одной из крупнейших по численности населения.

В первых перечнях названий политических объединений якутов, именуемых «улусами» или «волостями», представленных в списках Ивана Галкина (1631, 1635 гг.) и Петра Бекетова (1632–1633 гг.), «Борогонская волость» не зарегистрирована. Она появляется только в 1638 г. в документации, составленной тем же Иваном Галкиным, затем фигурирует в списке 32 волостей Парфена Ходырева (1639–1640 гг.), после чего ее упоминания в источниках становятся стабильными [Токарев 1945: 38–39, 166; Долгих 1960: 354–355].

С. А. Токарев помещает Борогонскую волость на р. Танде [Токарев 1945: 40]. Согласно Б. О. Долгих, в XVII в. Борогонская волость «соответствовала территории Борогонского улуса в составе наслегов Легойского, Оюн-Усовского, Сыгатского, Хоринского, Бертъ-Усовского, Курбусатского, 1 и 2-го Ольгетских, 1 и 2-го Соттутских и Сабарайского», как они зарегистрированы на 1896 г. [Долгих 1960: 364].

С. А. Токарев указал на следующие соответствия «волостей» и их «родов» XVII в. с административными подразделениями XX в. (улусы, наслеги, роды): Борогонской волости соответствуют Борогонский наслег Верхоянского улуса, Борогонский наслег Колымского улуса, Борогонский род Оймяконо-борогонского наслега Баягантайского улуса, Борогонский род наслега Верхоянского улуса и Борогонский род Кокуйского наслега Средне-Вилуйского улуса [Токарев 1945: 358, 389–390 (табл. 6)].

По данным, собранным Ф. Г. Сафроновым, в 20-х гг. XVIII в. к Борогонскому улусу, помимо собственно Борогонских волостей, относились такие волости, как Оспекская, Бескунская, Чериктейская, Баягантайская и Олтекская [Сафронов 1987: 13] (рис. 1).

Как сообщает Г. П. Башарин, «[п]ять крупных волостей, вокруг которых сгруппировалось 35 мелких, в 1730-х годах были названы улусами. В переписи 1732–1734 гг. значатся следующие ясачные улусы: Кангаласский, Батурусский, Намский, Борогонский и Мегинский. ... Происхождение улусов Якутского округа, таким образом, было связано с объединением многочисленных волостей вокруг нескольких крупных с Центральными пунктами сбора ясака. Что касается бассейнов Олекмы, Вилуя, Колымы, Индигирки, Яны и других рек, то там до начала XIX в. продолжали существовать остроги, зимовья и волости, удаленные друг от друга на огромные расстояния. В каждый из этих сборных пунктов по-прежнему посылались особые сборщики ясака» [Башарин 1956: 50–51 (примеч. 5)].

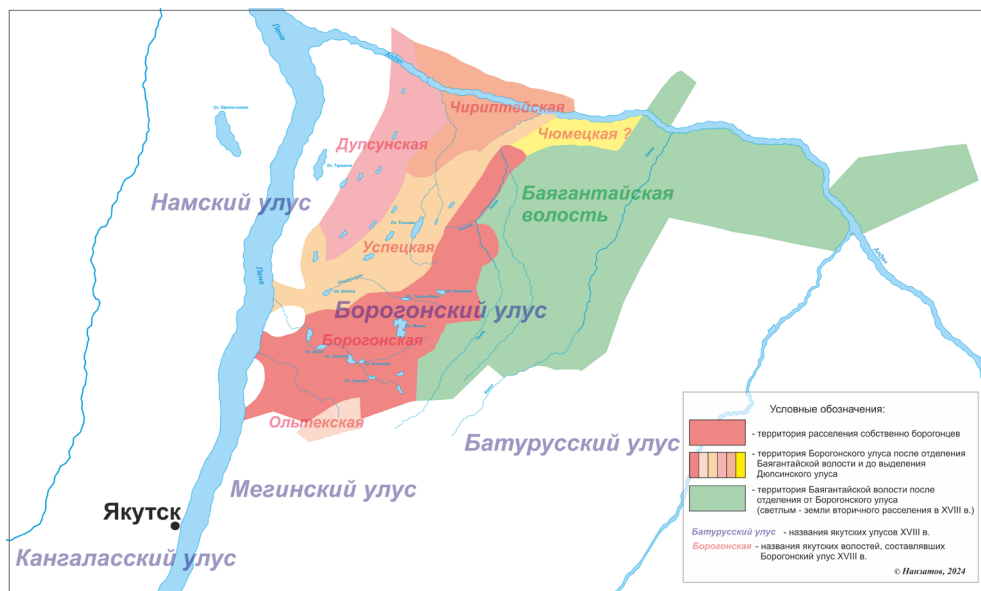

Рис. 1. Борогонский улус в XVIII в.
[Fig 1. Borogon ulus in the 18th century]

По крайней мере, в первой половине XVIII в. Борогонские волости уже отмечаются значительно шире, что как раз было обусловлено результатом массовых миграций якутов из исходного региона на Вилюй, Олекму, Оймякон, Колыму. Так, были известны Борогонская волость Верхневилуийского зимовья, Борогонская волость Усть-Вилуийского зимовья, Борогонская волость Олекминского острога, Борогонская волость Оймяконо-Баягантайского зимовья, Борогонская волость Верхоньяского зимовья, Борогонская волость Колымского зимовья. Итого насчитывалось семь Борогонских волостей: одна в Якутском округе и шесть — за его пределами [Башарин 2003: 58, 61–63]. Переселение борогонских якутов на Олекму находит отражение в источниках уже во второй половине XVII в. [Башарин 2003: 104].

Согласно сведениям, собранным Я. И. Линденау в 1741–1745 гг., двое сыновей легендарного родоначальника якутов по имени *Elei* или *Eldei-bator*, которых звали *Barkutai* и *Tschericktei*, образовали один род *Borogon*, соответствующий современной исследователю волости *Borogonskoi*, в состав которой были еще приписаны на тот момент два административных рода *Tscherickten* и *Enorska* [Линденау 1983: 18]. Именование первого из них соответствует названию Чюрюктейской и Чириктейской волости русскоязычной документации XVII в. и Чериктейского наслега в Дюпсинском улусе на конец XIX в., именование второго — названию Онёрского наслега (як. *Өнөр нэһилиэгэ*) в составе Дюпсинского улуса в конце XIX в., а в настоящее время в составе Усть-Алданского улуса.

По сведениям переписи 1750 г., которые приводит И. Г. Георги, «Борогонский улус имеет 7 волостей сего имени и еще 11 инако называемых» [Георги 1799: 170]. На 1767 г. в составе Борогонского улуса Якутского округа значилось 17 наслегов (семь Борогонских, два Соттинских, два Олтекских, три Оспехских, Чериктейский, Онерский, Батагайский) и Тюгэсирский Хомусский род; также Борогонский наслег был в составе Баягантайской волости [Башарин 1956: 370, 371 (прилож. 2)].

На 1828–1830 гг. составе Борогонского улуса Якутского округа значилось 12 наслегов [Башарин 1956: 400 (прилож. 12)]. К концу XIX в. в Якутском округе

был известен Борогонский улус, включавший в себя 13 наслегов: Берт-Усинский, Корбусатский, 1-й и 2-й Легойские, 1-й и 2-й Ольтетские, Сабарайский, Сасылыканский, 1-й и 2-й Сотгутские, Сыгатский, Уголятский и Хоринский [Патканов 1912: 731–733] (рис. 2). Восьмым улусом Якутского округа в этот же период был Дюпсинский улус, отделившийся от Борогонского улуса. Как отмечал Г. П. Башарин, в XVIII в. теми, кто стоял у основания Борогонских волостей за пределами Якутского округа, помимо собственно борогонцев, также являлись и представители племен, впоследствии вошедших в состав Дюпсинского улуса: батагайцы, чериктейцы [Башарин 2003: 61–63]. Более того, в состав Борогонского улуса также входила часть Баягантайских волостей, выделившихся из Борогонского улуса ранее, нежели Дюпсинский улус, и перешедших в состав Батурусского улуса, а впоследствии выделившихся в отдельный Баягантайский улус.

Таким образом, на протяжении XVII–XIX вв. прорисовывается следующая картина. Борогонская идентичность отражалась, как минимум, на двух уровнях. Помимо собственно борогонцев, включавших в себя впоследствии такие подраз-

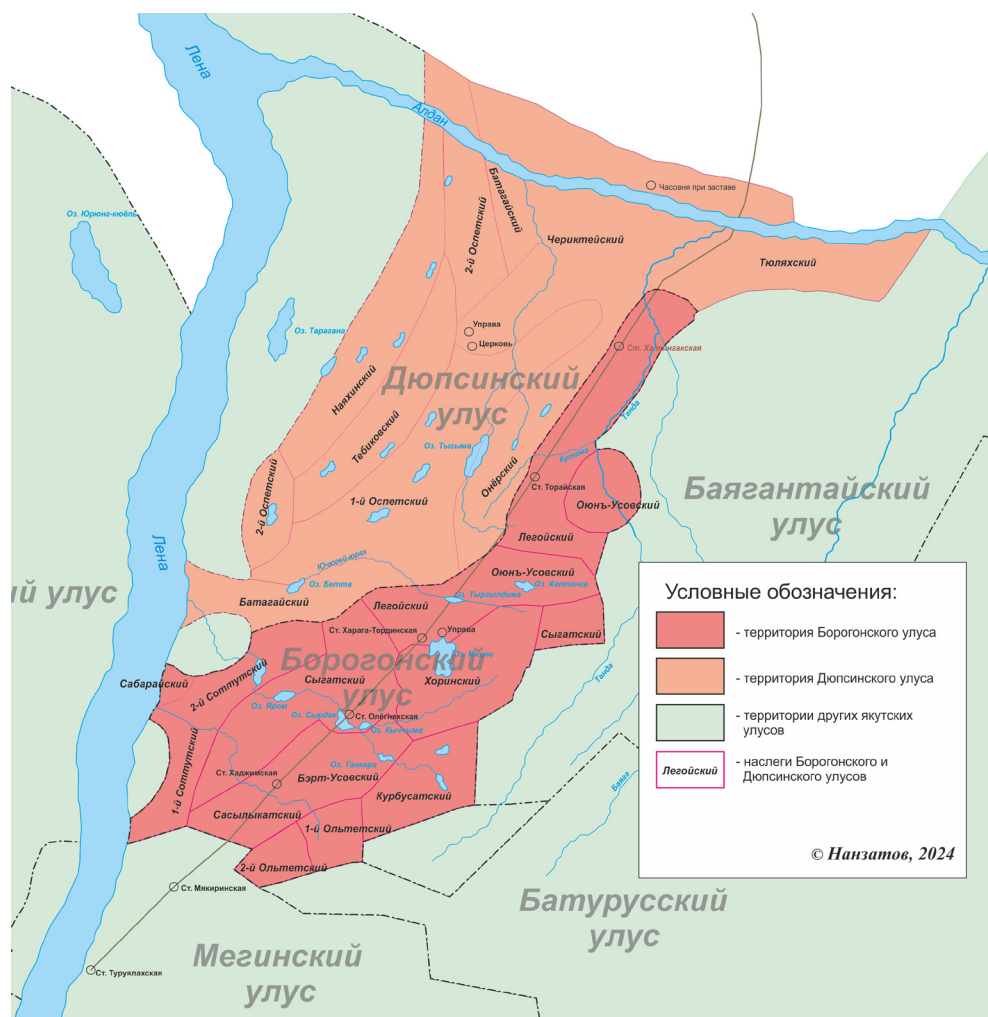

Рис. 2. Борогонский и Дюпсинский улусы в XIX в.
[Fig 2. Borogon and Düpsün uluses in the 19th century]

деления, как *бэрт-уса* (як. *Бэрт ууһа*), *легой* (як. *Лөбөй*), *оюн-уса* (як. *Ойун ууһа*), *сасыл* (як. *Сасыл*), *сыгат* (як. *Сыҕаах*), более широко борогонская идентичность распространялась на присоединившиеся к ним в разные исторические периоды подразделения, связываемые в источниках с собственной идентичностью, такие, как *хори* (як. *Хоро*), *сабарай* (як. *Сабарай*), *соттут* (як. *Суорту, Суотту*), *успех* (як. *Өспэх*), *чериктей* (як. *Чэриктэй*), *дюпсин* (як. *Дүпсүн*), *батагай* (як. *Батаҕай*), *баягантай* (як. *Байаҕантай*) и др.

За пределами Якутского округа, когда волости были реформированы в новые улусы и разбиты на наслеги и административные роды, наименование *Бороҕон* в большинстве случаев было заменено — за небольшим исключением. Так, к концу XIX в. были известны следующие случаи: Борогонский наслег Верхоянского улуса [Патканов 1912: 764], Борогонский род Борогонского наслега Верхоянского улуса [Справочник 1911: 86], Борогонский род 2-го Ногодского наслега Устьянского улуса [Справочник 1911: 85], род Боргон 2-го Байдунского наслега Верхоянского улуса [Справочник 1911: 86], Борогонский род Кокуйского наслега Средне-Вилуйского улуса [Справочник 1911: 89]. В XX в. также отмечался Борогонский наслег Булунского района (устье р. Лена), население которого было представлено курбусахцами (як. *Курбуһах*) [Парникова 1971: 21].

В настоящее время территория бывших Борогонского и Дюпсинского улусов объединена в пределах Усть-Алданского района Республики Саха (Якутия). Этот район входит в ареал так называемых «акающих» говоров, включающий бывшие Борогонский, Дюпсинский, Намский и Баягантайский улусы, условно являющиеся потомками легендарного Омогоя [Боло 1994: 22, 297 (примеч. 12); Ксенофонтов 1992а: 311; Ксенофонтов 1992б: 219 (примеч. 1); Якуты 2012: 60]. Предположительно этот диалектный ареал связывается с ранними волнами населения, вошедшего позднее в состав якутского народа [Иванов 1993: 42, 305], в том числе с представителями монголоязычных групп, косвенным свидетельством чему является установление в речи носителей «акающих» говоров губной гармонии по первому слогу [Убрятова 1962: 262].

3. Происхождение этнонима

Как было сказано выше, «Борогонский улус» или чаще «Борогонская волость» фигурирует в русскоязычных документах XVII в. как обозначение одного из политических объединений якутов в начальный период их контактов с российскими служилыми людьми, отражая определенный уровень идентичности объединенных этим названием людей.

По сведениям предания, записанного Я. И. Линденау, один из родоначальников рода *Borogon* носил имя *Barkutai* [Линденау 1983: 18], т. е. ср.-монг. *barqudai* [Rybatzki 2006: 263–264], ср. як. *Барҕыдай* ‘название рода в Жабыльском наслеге Мегинского улуса (Якутск. окр.)’ [Пекарский 1959а: 376] (совр. — Жабыльский наслег Мегино-Кангаласского улуса), топонимы *Барҕыдай* (Усть-Алданский улус, Батагайский наслег), *Баркытай* (Усть-Алданский улус, Дюпсунский наслег) [Иванов 2001: 66, 140].

О. Бётлингк в своем словаре отмечает *Бороҕон* только как ‘eine der Jakutischen Tribus (улус)’ [Böhntlingk 1851: 134] — т. е. как «одно из якутских племен (улус)».

В словаре Э. К. Пекарского в статье «Бороҕон» значатся следующие толкования:

«1) имя родоначальника Борогонского улуса (Якутского окр.) — сына *Хордои*

хојоѳос-а *Гот.*; по *Пр.*, Борогонский улус назван по имени Бороѳон Цуорту — одного из двух сыновей Дәлі Дархан-а.

2) название улуса (Борогонского) в Якутском округе = Бороѳон улуса.

3) название наслегов (Борогонских) в Верхоянском и Колымском улусах» [*Пекарский 1959а: 501*] (здесь *Го.* — рукописи П. Е. Готовцева; *Пр.* — различные этнографические статьи В. Л. Преклонского, вышедшие в 80-х – 90-х гг. XIX в.).

Название *Бороѳон* иногда возводится к эпониму в некоторых других генеалогических преданиях, но таких случаев немного [см.: *Саха былыргы сэхэннэрэ уонна кэпсээннэрэ 1960: 304–307 (табл. 2); Башарин 2003: 85*].

Предложенное В. В. Ушницким сопоставление якутского именованья *Бороѳон* с монгольским этнонимом *баргу* (письм.-монг. *barγu*), основанное на записях Я. И. Линденау, являющихся, по-видимому, примером самой ранней фиксации легендарной генеалогической традиции якутов, имеет свою логику, однако лингвистически объяснить возможность преобразования одного из этих этнонимов в другой было бы сложно. В сущности, такие построения основываются только на том, что здесь наблюдается схожая последовательность согласных — *b-r-γ-*, но при игнорировании облика гласных. Невозможно беспретственно преодолеть и проблемы с вокализмом, чтобы успешно прибегнуть, например, к аргументу в пользу будто бы возникшего вторичного огубления исходной формы в якутском: территория исходного (на момент первой фиксации в источниках) расселения борогонцев входит в ареал распространения так называемого «аканья» в якутском языке (*хатын* ~ *хотун*, *баатыр* ~ *боотур* и т. п.), т. е. здесь не так последовательно действует тенденция к огублению гласных [*Убрятова 1960: 41–42; Иванов 1993: 40–41, 305*].

Тем не менее этимология этнонима кажется довольно прозрачной, получая надежную основу как с семантической, так и с фонетической точек зрения.

В свое время Д. Немет, предложивший классификацию тюркских этнонимов на основе семантического признака, выделил среди них такую категорию, как «названия народов, связанные с природными явлениями» (“a természeti jelenségekkel összefüggő néprnev”) [*Németh 1991: 87–89*]. Несмотря на то, что ряд конкретных примеров, приведенных Д. Неметом, является дискуссионным, основания для такого предположения имеются.

Довольно просто сопоставить этноним *бороѳон* с письм.-монг. *boruγa(n)* ‘Rain’, халх. *бороо* id. [*Mongolian-English Dictionary 1960: 121*], калм. *borān* ‘unwetter, sturm mit regen od. schnee; regenwetter’ [*Ramstedt 1935: 51*], халх., бур. *бороо(н)*, калм. *боран* ‘дождь, ливень, (иногда) пурга’ [*ЭСМЯ 2015: 100*] и т. п. Заслуживает внимания в этом ряду личное имя *bawraγan* [*Boraqan*] в древнеармянских источниках (см.: [*Rybatzki 2006: 265* (приведена литература)]). Ср. в ранних записях: бур. *борооддохунг* ‘ветер’ (Д. Г. Мессершмидт), бур. *борогон* ‘буря’, монг. *кейбороо* id. (Г. Ф. Миллер), бур. 3 *борогон*, *борогодон* id. (словарь из архива Ф. П. Аделунга), бур. *борогон*, монг. *кейбараан* id. (П. С. Паллас), монг. *бороо* ‘дождь’ (Г. Ф. Миллер, словарь из архива Ф. П. Аделунга, П. С. Паллас) [*Будаев 1992: 140, 194, 195, 208*]. Эта форма отражена в тюркских языках, начиная с чаг. *borayān* بوراغان ‘буран’, в различных фонетических вариантах (см.: [*Doerfer 1963: 219–221; Csáki 2006: 60–62* (в обеих работах приведен перечень примеров)]). Некоторыми исследователями оспаривается интерпретация тюрк. *бораган* / *borayān* как монгольского заимствования в связи с отмеченной еще

формой *боран* / *boran* (с кратким гласным второго слога) [Sinor 1977; ЭСТЯ 1978: 189–192 (в обеих работах приведена обширная литература)]. Параллели в алтайских и уральских языках рассматриваются еще в связи с рус. *пурга́* [Аникин 2000: 458–459]. Однако до XIII в. в тюркских языках слово достоверно не зафиксировано (ср.: [Clauson 1972]). В работе В. И. Рассадина о монгольских заимствованиях в тюркских языках Сибири [Рассадин 1980] такое слово не отмечено. Некоторые исследователи рассматривают на предмет собственно тюркского происхождения только примеры с кратким гласным [СИГТЯ 2001: 644].

Двусложная форма, по-видимому, достоверно зарегистрирована не ранее XVIII в.: в записях Г. Ф. Миллера (1735 г.) в «кангатском» языке, родственном историческим языкам, легшим в основу хакасских диалектов, отмечено слово *буран* ‘буря’ [Боргояков 1981: 55]. В словаре П. С. Палласа отмечено ног. *борán*, тат. *бурán*, як. *бурхань* id. (П. С. Паллас) [Будаев 1992: 195], для последнего ср. як. *бурбан* ‘белый налет на тальниковых прутьях’, *бурхān* ‘пурга’, ‘метель’, ‘буря’ [Пекарский 1959а: 566, 572], ср. бур. *бурган* ‘вьюга’ < *бурга-* ‘падать, порошить (о снеге)’, бур. нижнеуд. *бурга-* ‘вывалиться в чем-то’, письм.-монг. *burqa-*, халх. *бурга-* ‘идти, моросить (о мелком дожде)’, порошить (о снеге)’, письм.-монг. *burgi-*, халх. *бурги-* ‘подниматься, клубиться (о пыли); порошить (о снеге)’, калм. *бург-* ‘порошить’ (см.: [Рассадин 1999: 137]; ср.: [ЭСМЯ 2015: 117]). Рус. *бурán* ‘пурга, степная вьюга при северном, сильном ветре’, несомненный тюркизм, не встречается в русскоязычных источниках ранее XVIII в. [Словарь 1975: 356; Аникин 2000: 143; Аникин 2011: 148]. В диалектах регистрируются еще такие формы, как рус. пск. *бурагán* ‘ураган’, *бургán* ‘буран’, морд. *бурагán*, *бургán* ‘сильный ветер, ураган’, может быть отчасти контаминирующееся с *урагán* [Аникин 2011: 144–145].

Следует отметить, что формально сопоставимые двусложные формы встречаются в личной ономастике и этнонимике. Из известных нам самое раннее — личное имя *Bāzdār Buran (Boran?)-Quš* (ум. 1141/1142 г.), тюркского гуляма халифа Муктафй (1138–1160), затем ставшего правителем Казвина, по мнению Л. Рашони, связано с *буран* ‘snow storm’ и прочими выше перечисленными значениями [Rásonyi, Baski 2006: 161, 177]. У туркмен-гёклен племени *Begdili*, по меньшей мере, в 1863 г. отмечено подразделение *boran* [Sümer 1972: 311]. Вероятно, в этом же ряду подразделения *буранай* у узбеков-локайцев, *бурангул* у башкир племен *ай* и *табын*, и еще *бурансы* у башкир племени *катай* (см.: [Лезина, Суперанская 1994: 133 (со ссылками на литературу)]. Все три случая могут быть истолкованы как на тюркской, так и на монгольской основе. Первая форма может содержать аффикс родительного падежа +*Ai*, либо отражать тюркскую звательную форму с вокативным показателем +*Aj* (ср. *abaj*, *babaj* и т. п.). Во втором примере последний элемент может трактоваться как монгольский аффикс множественности +*Gul* или тюркское слово *qul* ‘слуга, раб’ (/q/ > /ɣ/ после согласного). В третьем случае, — вероятно, тюркский аффикс +*či* (> баш. +*sī*), либо монгольский +*či* (< *+*čin*). Личные имена *Бурангул* и фамилия *Буранчиев*, *Буранчин* регистрируются у башкир в XVIII в. (см.: [Rásonyi, Baski 2006: 177, 178]). С большой степенью вероятности, данные образования могут быть истолкованы как патронимы.

Трехсложные варианты, либо формы с вторичной долготой среди тюркских

языков ближайших ареалов к основной территории распространения монгольских языков отмечены, либо: алт. *порогон* ‘метель, буран, вьюга’, кырг. *бороон* ‘буран, вьюга; снежная буря, смерч’, тув. *бораан* ‘ненастье, пасмурная погода’, тув. тодж. ‘свежевыпавший снег’, тоф. *бораан* ‘свежевыпавший снег’ (к цит. выше работам см. еще: [Татаринцев 2000: 253]). Названия *Barayan*, *Borayan*, *Burayan*, соотношения между орфографическими формами которых не всегда отчетливы, отмечены в топонимике Крыма [Jankowski 2006: 42, 322–326, 341]. Название *гарабораган*, букв. ‘черный буран’, отмечено у подразделения низшего таксономического уровня (*тире*) среди туркмен рода *байрач* племени *сарык* [Атаниязов 1988: 41].

В якутской среде **boroḡon* < **boroḡan*, **borayan* отражает стадию сохранения комплекса -VgV- в языке-источнике. Процесс преобразования комплекса -VgV- в монгольских языках в дифтонги и далее в долгие гласные в основном завершается в течение XVII в. [Санжеев 1977: 121, 130–131; Рассадин 1982: 48–54]. Некоторые сведения позволяют считать, что в отдельных монгольских языках он продолжался и в XVIII в. [Будаев 1992: 60]. Тем не менее в источниках упоминание названия *Борогон* встречается ранее.

В эпической традиции борогонских якутов встречается сюжет об истреблении Тыгыном ууса *Бэс Бороџоттор* [Борисов 1997: 86], где первое слово в этом сочетании связано, вероятно, с *бэс* ‘имя родоначальника Сыгатского наслега Борогонского улуса (Якутского округа), он же *Сыцах Амыкан*’ [Пекарский 1959а: 444, 100] отмечены в топонимике.

В данном случае, с точки зрения морфонологии, любопытна форма второго слова *Бороџоттор*. Она относится к группе слов, где тюркскому аффиксу множественного числа +*Ar* предшествует монгольский аффикс множественного числа +(X)t, исходно добавлявшийся к основам, оканчивающимся на -n, который при этом редуцировался, как, например, в словах *тойоттар* ‘тойоны’, *хотуттар* ‘госпожи’ и т. п. [Kałużyński 1961: 116–118; Грамматика 1982: 126, 84]. Следовательно, можно думать, что фольклор сохранил косвенную отсылку к законсервированной форме **Бороџот*. В то же время такая интерпретация не обязательно является косвенным свидетельством раннего появления в якутском языке именовании *Борогон*, поскольку такое двойное употребление форм множественного числа встречается в якутском языке даже в русских заимствованиях, при том явно позднего происхождения, например *ыстакааттар* ‘стаканы’, *оройуоттар* ‘районы’, *чилиэттэр* ‘члены’ и др. [Грамматика 1982: 126].

Имена предводителей борогонцев, известные, начиная с первых упоминаний, не позволяют предложить надежных интерпретаций и сделать надежных лингвистических выводов. По крайней мере, в первом таком документе источники упоминают Окта Амуканова, Логуя Амуканова, Чигуна Амуканова, Чермока Амуканова [Материалы 1970: 40], которые, как выясняется из дальнейших документов, являются братьями, т. е. сыновьями Амукана или Амыкая. Подобное имя оказывается достаточно распространенным в русскоязычных источниках в отношении различных деятелей из якутской среды [Материалы 1970: 1120, 1196 (указатель)]. Исходя из косвенных соображений, можно лишь сказать, что если зафиксированный в русскоязычных источниках графический инициальный /ч/ адекватно передает якутский */č/, то этот звук мог развиться в связи с монголизмами относительно позднего периода, проникшими в якутский язык уже после

того, как в нем исходные аффрикаты */č/ и */j/ слились в единый щелевой */s/, а, следовательно, последующие заимствования, содержащие эти звуки, были снова интегрированы в систему якутского консонантизма [Широбокова 2001: 80, 93, 113–115].

4. Выводы

Наименование *Борогон*, ассоциируемое с одной из групп якутского населения, впервые достоверно фиксируется в русскоязычных документах после 1638 г. Оно представляет собой слово монгольского происхождения и восходит к форме **boroγan*, **borayān* с буквальным значением ‘дождь’. Прямых параллелей использования данного названия в качестве этнонима в среде монгольских народов не зарегистрировано. Племенные названия с подобной семантикой у кочевнических народов, однако, имели место в истории. В то же время нельзя сказать точно, какова историческая природа этого этнонима. Не исключено, что оно восходит к личному имени какого-либо предводителя, т. е. эпониму — такое имя, по крайней мере, отмечается в монгольской среде. На примере тюркских народов можно найти ряд случаев, когда этноним восходит к имени реального исторического лица (например, сельджук, осман, узбек, ногай и др.), но в то же время отмечено немало случаев, когда в личных именах каких-либо деятелей встречаются слова, связанные с этнонимами (или содержатся в них в качестве одного из своих компонентов) [Németh 1991: 58–65]. И если это было так, то возникновение рассматриваемого этнонима должно восходить ко времени, по меньшей мере, на два поколения ранее от тех предводителей борогонцев, имена которых фигурируют в русскоязычных источниках, начиная с 1639 г.

Интерпретировать многочисленные предания в историческом ключе невозможно из-за отсутствия каких-либо надежных свидетельств. В то же время, даже начиная со второй половины XVII в., можно проследить распространение борогонской идентичности, происходящей в связи с укрупнением введенных российской администрацией территориальных единиц на территории Якутии, формировавшихся вокруг исторических политических образований, и в связи с последующими миграциями якутского населения.

Остается неясным очень важный вопрос — «волости», имевшие, следуя ранним русскоязычным документам, свои названия (а, значит, идентичность), своих «князцов» и субъектность в отношениях с ясачными сборщиками, но вошедшие затем в состав Борогонской, — составляли ли они к моменту прихода российских служилых людей и казаков самостоятельные в отношении нее и друг друга политические образования? Или же они находились в каких-то иерархических связях, сводясь только российскими наблюдателями, не вдававшимися во внутреннюю структуру этих формирований, к равноправным политическим субъектам? Приближаясь к тематике данной статьи, переформулировать этот вопрос можно так: происходило ли формирование расширенной борогонской идентичности только начиная с этого времени и позднее было концептуализировано в этногонических преданиях, либо уже на тот момент названия волостей, которые впоследствии будут фигурировать в названиях наслегов Борогонского улуса, отражали названия коллективов, соответствовавшие их идентичности на более низком таксономическом уровне социальной организации в составе общей борогонской идентичности?

Сокращения

- алт. — алтайский язык
 баш. — башкирский язык
 бур. — бурятский язык
 бур. 3 — *Buraisce 3* в словарях из коллекции Ф. П. Аделунга
 бур. нижеуд. — бурятский язык, нижеудинский говор
 калм. — калмыцкий язык
 кырг. — киргизский язык
 монг. — монгольский (= халхаский) язык (у авторов XVIII в.)
 морд. — мордовский язык
 ног. — ногайский язык
 письм.-монг. — письменно-монгольский язык
 рус. — русский язык
 рус. пск. — русский язык, псковские говоры
 ср.-монг. — среднемонгольский язык
 тат. — татарский язык
 тоф. — тофаларский язык
 тув. — тувинский язык
 тув. тодж. — тувинский язык, тоджинский диалект
 тюрк. — тюркский язык
 халх. — халха-монгольский язык
 чаг. — чагатайский язык
 як. — якутский язык

Литература

- Аникин 2000 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 772 с.
- Аникин 2011 — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: Проект, 2011. Вып. 5 (буба I – вакштаф). 344 с.
- Атаниязов 1988 — *Атаниязов С.* Словарь туркменских этнонимов. Ашхабад: Ёлым, 1988. 179 с.
- Башарин 1956 — *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII – середина XIX в.). М.: АН СССР, 1956. 428 с.
- Башарин 2003 — *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). Т. 1: Аграрные отношения с древних времен до 1770-х годов. М.: Арт-Флекс, 2003. 444, [3] с.: фот.
- Боло 1994 — *Боло С.* Лиэнэбэ нуучча кэлиэн иннинэбэ саха олобо: урукку Дьокуускай уокурук сахаларын былыргыттан кэпсээннэринэн / [кирири тыл авт. Г. В. Попов]. Дьокуускай: Бичик, 1994. 319, [34] с.
- Боргояков 1981 — *Боргояков М. И.* Источники и история изучения хакасского языка. Абакан: Хакасск. кн. изд-во, 1981. 144 с.
- Борисов 1997 — *Борисов А. А.* Якутские улусы в эпоху Тыгына. Якутск: Бичик, 1997. 155, [1] с.
- Будаев 1992 — *Будаев Ц. Б.* Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. [5], 178 с.
- Грамматика 1982 — Грамматика современного якутского литературного языка / ред. кол. Е. И. Коркина, Е. И. Убрятова (отв. ред.), Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
- Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН СССР, 1960. 662 с.
- Иванов 1993 — *Иванов С. А.* Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993. 348 с.

- Иванов 2001 — *Иванов Н. М.* Монголизмы в топонимии Якутии. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2001. 204 с.
- Ксенофонтов 1992а — *Ксенофонтов Г. В.* Ураанхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. I. Кн. 1. Якутск: Нац. изд-во РС (Я), 1992. 416 с.
- Ксенофонтов 1992б — *Ксенофонтов Г. В.* Ураанхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. I. Кн. 2. Якутск: Нац. изд-во РС (Я), 1992. 317 с.
- Лезина, Суперанская 1994 — *Лезина И. Н., Суперанская А. В.* Ономастика: словарь-справочник тюркских родоплеменных названий: в 2 ч. Ч. 1–2. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. 466 с.
- Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подг. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под. общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан: Магаданск. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Материалы 1970 — Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора) / ред. Т. М. Швецова. Ч. 1–3. М.: Наука, 1970. LIII, 1269, [24] с.
- Парникова 1971 — *Парникова А. С.* Расселение якутов в XVII – начале XX вв. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971. 152 с.
- Патканов 1912 — *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. СПб.: Тип. Ш. Буссель, 1912. С. 434–999. (Зап. Имп. Рус. Геогр. общ-ва по отделению статистики. Вып. 3).
- Пекарский 1959а — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. Т. I. Вып. 1–4. М.: АН СССР, 1959. (3), XVIII, (1) с., стб. 1–1280, (2) с.
- Пекарский 1959б — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. Т. II. Вып. 5–9. М.: АН СССР, 1959. Стб. 1281–2508, VIII с.
- Рассадин 1980 — *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.
- Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Рассадин 1999 — *Рассадин В. И.* Становление говора нижеудинских бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. 160 с.
- Санжеев 1977 — *Санжеев Г. Д.* Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. 161 с.
- Сафронов 1987 — *Сафронов Ф. Г.* Якуты. Мирское управление в XVII – нач. XX века. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1987. 128 с.
- Саха былыргы сэһэннэрэ уонна кэпсээннэрэ 1960 — Саха былыргы сэһэннэрэ уонна кэпсээннэрэ: икки чаастаах (= Исторические предания и рассказы якутов: в двух частях) / изд. подг. Г. У. Эргис; под ред. А. А. Попова. 1 чааһаа / Ч. I. М.; Л.: АН СССР, 1960. 322, [1] с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Словарь 1975 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б) / гл. ред.: С. Г. Бархударов; ред.: Г. А. Богатова; сост.: Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Е. Н. Прокопович, О. И. Смирнова, Г. П. Смолицкая, А. Н. Шаламова. М.: Наука, 1975. 371, [1] с.
- Справочник 1911 — Справочник Якутской области на 1911 г. Изданный Якутским обл. статистическим комитетом под ред. секретаря комитета М. П. Николаева. Якутск: Тип. обл. управления, 1911. 118, 13, 68, 10 с.
- Татаринцев 2000 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. I. (А–Б). Новосибирск: Наука, 2000. 340 с.
- Токарев 1945 — *Токарев С. А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якут. гос. изд-во, 1945. 414 с.
- Убрятова 1960 — *Убрятова Е. И.* Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: АН СССР, 1960. 151 с.
- Убрятова 1962 — *Убрятова Е. И.* Якутский язык в его отношении к другим тюркским

- языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским // Труды XXV Международного конгресса востоковедов, Москва 9–16 августа 1960 г. Т. III. Заседания секций X, XI, XIII. М.: Вост. лит., 1962. С. 258–264.
- Ушницкий 2011 — *Ушницкий В. В.* Племена Баргуджин-токума и проблема происхождения народа Саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. № 2 (3). С. 5–10.
- Широбокова 2001 — *Широбокова Н. Н.* Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001. 150 с.
- ЭСМЯ 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Швернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. 1. А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- Якуты 2012 — *Якуты* / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. М.: Наука, 2012. 599 с.
- Böhtlingk 1851 — *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. St. Peterburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1851. Teil 2 Jakutisch–Deutsches Wörterbuch. 190 S.
- Clauson 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
- Csáki 2006 — *Csáki É.* Middle Mongolian Loan Words in Volga Kipchak Language. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. 258 p (Turkologica. 67).
- Doerfer 1963 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. XLVIII, 557 S. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI).
- Jankowski 2006 — *Jankowski H.* A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden; Boston, 2006. X, 1291 p.
- Kałużyński 1961 — *Kałużyński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 S. (Prace Orientalistyczne. X).
- Mongolian-English Dictionary 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / comp. by M. Haltod, J.G. Hangin, and S. Kassatkin, with F.G. Lessing as general editor. Berkeley: University of California Press, 1960. xvii, 1217 pp.
- Németh 1991 — *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarság kialakulása / közléteszi Á. Berta. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397. o.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G.J.* Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. xxx, 560 S.
- Rásonyi, Baski 2006 — *Rásonyi L., Baski I.* Onomasticon Turcicum = Turcic personal names / as collected by László Rásonyi. Vol. I. Bloomington: Indiana University Denis Sinor Institute for Inner Asian Studies, 2007. CXXXVI, 344 p.
- Rybatzki 2006 — *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. xxxv, 841 S. (Publications of the Institute for Asian and African Studies. 8).
- Sinor 1977 — *Sinor D.* An Altaic Word for ‘Snowstorm’ // *Studia Orientalia*. 1977. Vol. 47. P. 219–232.
- Sümer 1972 — *Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. baskı. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1972. XXV, 532 s. (Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları. 170).

References

- Anikin A. E. An Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altai and Paleo-Asian languages. Moscow. Novosibirsk: Nauka, 2000. 772 p. (In Russ.)
- Anikin A. E. Russian Etymological Dictionary. Moscow: Project, 2011. Vol. 5. 344 p. (In Russ.)
- Ataniyazov S. A Dictionary of Turkmen Ethnonyms. Ashgabat: Ylym, 1988. 179 p. (In Russ.)
- Barkhudarov S.G. et al. (eds.) A Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Moscow: Nauka, 1975. Vol. 1 (A–B). 371 p. (In Russ.)

- Basharin G. P. A History of Agrarian Relations in Yakutia (60^s of the 18th century – mid-19th century). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 428 p. (In Russ.)
- Basharin G. P. A History of Agrarian Relations in Yakutia (15th–18th – mid-19th centuries). Moscow: Art-Flex, 2003. Vol. 1: Agrarian Relations from Ancient Times to the 1770^s. 444, [3] p. (In Russ.)
- Bolo S. The Past of the Yakuts before the Russians Came to the River: Lena: According to the Legends of the Yakuts of the Large Yakutsk Region. Yakutsk, 1994. 319 [34] p. (In Yakut).
- Borgoyakov M.I. Sources and History of Studying the Khakass Language. Abakan: Khakass Book Publishing House, 1981. 144 p. (In Russ.)
- Borisov A. A. Yakut Uluses in the Era of Tygyn. Yakutsk: National Book Publishing House “Bichik” of Rep. Sakha (Yakutia), 1997. 155 [1] p. (In Russ.)
- Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1851. Vol. 2 Jakutisch–Deutsches Wörterbuch. 190 p. (In Germ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects (an experience of diachronic research). Novosibirsk: Nauka, 1992. 217 p. (In Russ.)
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 989 p. (In Eng.)
- Csáki É. Middle Mongolian Loan Words in Volga Kipchak Language. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. 258 p. (In Eng.)
- Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen unter Besonderer Berücksichtigung älterer Neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. XLVIII, 557 p. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI). (In Germ.)
- Dolgikh B. O. Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 662 p. (In Russ.)
- Ergis G. U. A Historical Legends and Stories of the Yakuts: in two parts. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. Vol. 1. 322 [1] p. (In Yakut and Russ.)
- Georgi I.G. A Description of all the Peoples Living in the Russian State, as well as their Everyday Rituals, Beliefs, Customs, Dwellings, Clothes and other Monuments. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. Pt. 2. About the Peoples of the Tatar Tribe and other Northern Siberian Peoples of still Unresolved Origin. [5], 178 p. (In Russ.)
- Jankowski H. A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden; Boston, 2006. X, 1291 p. (In Eng.)
- Ivanov N. M. Mongolisms in the Toponymy of Yakutia. Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 2001. 204 p. (In Russ.)
- Ivanov S. A. The Central Group of Dialects of the Yakut Language. Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1993. 348 p. (In Russ.)
- Kałużynski S. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 p. (Prace Orientalistyczne. X). (In Germ.)
- Ksenofontov G. V. Uraankhai-sakhalar: Essays on the Ancient History of the Yakuts. Vol. 1. Pt. 1. Yakutsk: National Publishing House of the Republic of Sakha (Yakutia), 1992. 416 p. (In Russ.)
- Ksenofontov G. V. Uraankhai-Sakhalar: Essays on the Ancient History of the Yakuts. Vol. 1. Pt. 2. Yakutsk: National Publishing House of the Republic of Sakha (Yakutia), 1992. 317 p. (In Russ.)
- Lessing F. G. (ed.) Mongolian-English Dictionary. Berkeley: University of California Press, 1960. 1217 p. (In Russ. In Mong.)
- Lezina I. N., Superanskaya A. V. Onomastics: Dictionary and Compendium of Turkic Tribal Names: in 2 Vols. Vol. 1–2. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay of the RAS, 1994. 466 p. (In Russ.)
- Lindenau Ya. I. Description of the Peoples of Siberia (first half of the 18th century): Historical and Ethnographic Materials about the Peoples of Siberia and the North-East. Transl. by Z. Titova (transl.). Magadan: Magadan Book Publishing House, 1983. 176 p. (In Russ.)
- Németh G. A Honfoglaló Magyarorság Kialakulása. Közzétési Á. Berta. Második, Bővített és Atdolgozott Kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397 p. (In Hung.)

- Nikolaev M. P. (ed.) A Manual of the Yakut Region for 1911. Yakutsk: Typography of Region Government, 1911. 118p., 13p., 68p., 10 p. (In Russ.)
- Parnikova A. S. Settlement of the Yakuts in the 17th – early 20th centuries. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House, 1971. 152 p. (In Russ.)
- Patkanov S. K. Statistical Data Showing the Tribal Composition of the Population of Siberia, the Language and Tribes of Foreigners (based on data from a special development of the 1897 census material). Vol. 3: Irkutsk Province, Transbaikal, Amur, Yakut, Primorsky Regions and Sakhalin. *Bulletin of Imperial Russian Geographical society for the department of statistics*. Vol. 3. St. Petersburg, 1912. Pp. 434–999. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. A Dictionary of the Yakut Language. 2nd ed. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. Vol. 1. No. 1–4. 3, XVIII, (1), 1–1280, (2) p. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. A Dictionary of the Yakut Language. 2nd ed. Vol. 2. No. 5–9. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 1281–2508, VIII p. (In Russ.)
- Ramstedt G.J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Germ.)
- Rásonyi L., Baski I. Onomasticon Turcicum. Turcic Personal Names. L. Rásonyi (comp.) . Vol. 1. Bloomington: Indiana University Denis Sinor Institute for Inner Asian Studies, 2007. 344 p. (In Eng.)
- Rassadin V. I. Essays on the Historical Phonetics of the Buryat Language. Moscow: Nauka, 1982. 199 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Mongol and Buryat Borrowings in Siberian Turkic Languages. Moscow: Nauka, 1980. 115 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. The Formation of the Dialect of the Lower Uda Buryats. Ulan-Ude: BSC SB RAS, 1999. 160 p. (In Russ.)
- Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine Lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. In: Publications of the Institute for Asian and African Studies. 841 p. (In Germ.)
- Safronov F. G. Yakuts. Secular Administration in the 17th century – early 20th century. Yakutsk: Yakut Book Publishing House, 1987. 128 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. A Linguistic Introduction to the Study of the History of Writing of the Mongolic Peoples. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1977. 161 p. (In Russ.)
- Shvetsova T. M. (ed.) Materials on the History of Yakutia in the 17th century: (documents of collection of the yasak). Moscow: Nauka, 1970. Vol. 1–3. LIII, 1269 [24] p. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. An Etymological Dictionary of Tuvan Language. Novosibirsk: Nauka, 2000. Vol. 1. 340 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) A Comparative-historical Grammar of Turkic Languages. A Lexicon. 2nd ed., add. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Tokarev S.A. Social System of the Yakuts in the 17th–18th centuries. Yakutsk: Yakut. State Publishing House, 1945. 414 p. (In Russ.)
- Ubyratova E. I. An Experience of a Comparative Study of the Phonetic Features of the Language of the Population of Some Regions of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 151 p. (In Russ.)
- Ubyratova E. I. The Yakut language in its relation to other Turkic languages, as well as to the Mongolian and Tungus-Manchu languages. Congress Proceedings. Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1962. Vol. 3. Meetings of Sections X, XI, XIII. Pp. 258–264. (In Russ.)
- Ubyratova E. I. A Grammar of the Modern Yakut Literary Language. Moscow: Nauka, 1982. Vol. 1. Phonetics and Morphology. 496 p. (In Russ.)
- Ushnitsky V. V. Tribes of Bargudzhin-Tokum and the problem of the origin of the Sakha people. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2011. No. 2 (3). Pp. 5–10. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. (comps.). Etymological Dictionary of Mongolian Languages: in 3 vol. Vol. 1. A–E. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2015. 224 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. An Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic Stems Starting with the Letter “B”. Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Russ.)
- Shirobokova N. N. A Historical Development of Yakut Consonantism. Novosibirsk: Nauka, 2001. 150 p. (In Russ.)

- Sinor D. An Altaic Word for ‘Snowstorm’. *Studia Orientalia*. 1977. Vol. 47. Pp. 219–232. (In Eng.)
- Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. baskı. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1972. XXV, 532 p. (Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları. 170). (In Tur.)
- Yakuts. N. A. Alekseev, E. N. Romanova, Z. P. Sokolova (eds.). Moscow: Nauka, 2012. 599 p. (In Russ.)